

АРХАИЧНЫЕ РЕФЛЕКТИВНЫЕ МОДЕЛИ И ОБРАЗОВАНИЯ В СЛОВЕСНОМ ТВОРЧЕСТВЕ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Казиева Альмира Магомедовна, доктор филологических наук, профессор, директор Северокавказского НИИ филологии Пятигорского государственного лингвистического университета, 357503, Россия, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9.

Кузнецова Анна Владимировна, доктор филологических наук, Южный федеральный университет, 344019, Россия, г. Ростов-на-Дону, П/О-19, а/я 5707, e-mail: ak21@yandex.ru.

Тарасенко Валентина Николаевна, кандидат филологических наук, Пятигорский государственный лингвистический университет, 357503, Россия, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9, e-mail: tarasenko@glu.ru.

В статье анализируются архетипы в словесном творчестве народов Северного Кавказа. Авторы утверждают, что социально неидентифицируемые характеристики окружающего представлены в фольклорных текстах региона, в подавляющем большинстве случаев в виде структур переходного типа, когда поэтическому индифферентному выражению сопутствует прямая номинация объекта – своеобразная расшифровка, чаще всего имеющая подчеркнuto эстетический смысл, а иногда и выполняющая суггестивную функцию.

Ключевые слова: эпос, архетипы, словесное творчество народов Северного Кавказа, обрядовая поэзия, фольклорные системы

ARCHAIC REFLECTIVE MODELS AND EDUCATION VERBAL CREATIVITY OF THE NORTH CAUCASUS

Kazieva Almira M., Doctor of Philological Sciences, Professor, Director of the North Caucasus Research Institute of Philology, head of the Center of the North Caucasian languages and cultures, Pyatigorsk State Linguistic University, 357503, Russia, Pyatigorsk, 9 Kalinin ave.

Kuznetsova Anna V., Doctor of Philological Sciences, Southern Federal University, 344019, Russia, Rostov-on-Don, IN-19, P / 5707, e-mail: ak21@yandex.ru.

Tarasenko Valentina N., Candidate of Philological Sciences, Pyatigorsk State Linguistic University, 357503, Russia, Pyatigorsk, 9 Kalinin ave., e-mail: tarasenko@glu.ru.

The article analyzes the archetypes in verbal creativity of the peoples of the North Caucasus. The authors argue that social unidentifiable characteristics surrounding representation in the folklore texts in the region, in most cases in the form of structures of transition, when the poetic Apathetic expression is accompanied by direct nomination of the object – the original transcript, often has emphasized the aesthetic sense, and sometimes performs suggestive function.

Keywords: epic archetypes, verbal creativity of the peoples of the North Caucasus, ritual poetry, folklore system

Попытки выявить архетипы любого социально-эстетического вида в чистом, первозданном виде в словесном творчестве народов Северного Кавказа неизбежно приводят нас к мысли о том, что фольклор региона имеет весьма долгую историю развития – во всяком случае, уходящую далеко за пределы самых ранних письменных попыток фиксации.

Редкие включения в произведении внеаксеологических представлений в сохранившиеся эпические тексты настолько архаичны в своей информативной базе, что любая попытка их контекстуальной дешифрации представляется невозможной. Вот пример из карачаево-балкарской версии героического эпоса «Нарты»:

...Сен нарт Тейрини таягы,
 Дулдур атны туягы,
 Къарт маралны жаягы...
 (...Ты – палка нарта Тейри,
 Копыто коня Дулдур,
 Старого оленя челюсть...) [4, с. 286]

– «затемнённость» смысла этого отрывка напрямую восходит к ритуальной практике прямого описания периода господства не мифического, а именно магического мышления. В данном случае перед нами пример нетабуированного представления объекта с позднейшей утерей смысла этого представления и использования его в качестве традиционного эстетического элемента. Данный текст весьма убедительно проанализирован М.Ч. Журтубаевым. Исследователь пишет: «...Именование палки "копытом коня" и "челюстью оленя" неслучайны. Тюрки, например, хакасы и тувинцы, делали её из рога марала или лося, алтайцы деревянную палку обтягивали шкурой с ноги лося, марала, дикого козла, на её рукояти вырезалось изображение головы какого-нибудь животного... Вероятно, предки балкарцев и карачаевцев украшали рукоятки шаманских колотушек изображением головы тотемных животных, в данном случае оленя, совмещая это с представлением о колотушке, как о копыте коня» [2, с. 44].

Сохранность подобных реликтовых форм в среде развитых в коммуникативном отношении фольклорных систем – дело случая, поэтому подобные примеры, повторимся, крайне редки. В основном архаичные рефлексивные модели и образования в словесном творчестве народов Северного Кавказа представлены в своих развитых вариантах – развитых в смысле своего коммуникационного качества, и представляются нам структурами, существование которых во многом обусловлено процессами межжанрового взаимовлияния. В дошедших до нас текстах культурно-презентативные и тяготеющие к ним структуры чаще всего функционируют как симбиотические включения в общем объеме эпических отрывков, в структурном плане характеризующихся как ряды синтагм прямой номинации, что реально подтверждает мысль о самостоятельном развитии двух разных функциональных пластов словесного творчества.

Полемизуя с А.Н. Веселовским, В.Я. Пропп по этому поводу пишет: «...Нельзя отрицать... правомерности гипотезы, что обрядовая поэзия, основанная на стремлении усилить продуктивность труда, есть древнейший вид народной поэзии... Но, когда Веселовский возводит сюда же лирику и эпос, мы не можем за ним последовать. На русской почве между обрядовой поэзией... с одной стороны, и эпосом, с другой, нет ничего общего ни генетически, ни формально, хотя определенные точки соприкосновения и имеются... Эпос не возникает ни из обрядовой, ни из внеобрядовой лирики и не возводится к ней, а имеет самостоятельное, независимое от лирики развитие» [5, с. 17]. На наш взгляд, речь можно вести о поэтических образцах, имеющих ритуальное происхождение в целом, а обрядовая поэзия, или «внеобрядовая лирика», – суть частные проявления общего потока словесных конструкций, восходящих к ритуалу, а стало быть – к эзотерике и магии с их непременным тяготением к косвенным характеристикам объектов, имеющим именно социально-обозначенное содержание в самом широком смысле этого слова.

Не беря на себя смелость решать проблемы хронологии и генезиса различных направлений народного словесного творчества, мы, однако, склоняемся к предположению о первоначальном раздельном функционировании основных жанров и постепенном сближении их в эстетическом сознании народа. С этой точки зрения достойным внимания представляется тот факт, что насыщенность ритуальными формулами эпических текстов находится в обратной зависимости от степени их архаичности, и одновременно – доля риту-

альной составляющей рассматриваемых образцов напрямую обусловлена древностью эпизодов.

Попытка выявить весь комплекс причин подобного явления вряд ли будет успешной, но в первом допущении можно предполагать, что характер (песенный) исполнения раннелирических (ритуальных) форм вынуждал обращаться к упорядоченным как ритмически, так и структурно единицам, обеспечивая таким образом большую сохранность их в тексте, чего не происходило при прозаическом, либо речитативном пересказе. Анализируя характер трансформаций молдавских и румынских эпических песен, схожие процессы отмечает В.М. Гацак: «...Спустя десять лет эффектнее стали части текста, исполняемые пением. Другие, как обычно, произносились напевным речитативом, но его доля уменьшилась...» [1, с. 38].

Устойчивость внесоциальных моделей, впрочем, позволила им в большом объеме сохраниться до наших дней, но в произведениях, не выполняющих коммуникативные функции. Как отмечает Х.Х. Малкондуев, огромное большинство современных родовых (фамильных) заговоров насыщены «темными» местами, не поддающимися объяснению: «...заговор заметно насыщен абракадабрами... если значение некоторых из этих слов все же перевести в обычном их значении с карачаево-балкарского языка... подобный перевод... никак не вписывается в текст...» [3, с. 22]. Отметим ещё раз: подобные тексты изначально некоммуникативны.

Необходимо учитывать и то, что ритуальные традиционные формулы имеют непосредственное отношение к эзотерике периода господства мифического сознания, когда человеческий разум априори предполагал наличие в окружающем мире превосходящих сил – иначе теряет смысл весь механизм опосредованного описания объекта. Собственно же магический ритуал, вероятнее всего, предполагал прямую номинацию интересующих объектов, что в обязательном порядке требовало подкрепления на внерациональном уровне, но об этом несколько позже.

Возвращаясь к словесному творчеству народов Северного Кавказа, мы констатируем, что социально неидентифицируемые характеристики окружающего представлены в фольклорных текстах региона в подавляющем большинстве случаев в виде структур переходного типа, когда поэтическому индифферентному выражению сопутствует прямая номинация объекта – своеобразная расшифровка, чаще всего имеющая подчёркнуто эстетический смысл, а иногда и выполняющая суггестивную функцию.

Список литературы

1. Гацак В. М. Эпический певец и его текст / В. М. Гацак // Текстологическое изучение эпоса. – М., 1971. – С. 7–46.
2. Джуртубаев М. Ч. Древние верования балкарцев и карачаевцев / М. Ч. Джуртубаев. – Нальчик : Эльбрус, 1991. – 256 с.
3. Малкондуев Х. Х. Обрядово-мифологическая поэзия балкарцев и карачаевцев / Х. Х. Малкондуев. – Нальчик : Эль-Фа, 1996. – 38 с.
4. Нарты: героический эпос балкарцев и карачаевцев // Институт мировой литературы имени А. М. Горького / А. И. Алиева, Т. Хаджиева. – М. : Наука, 1994. – 654 с.
5. Пропп В. Я. Основные этапы развития русского героического эпоса / В. Я. Пропп // 4 Междунар. съезд славистов : доклады. – М. : Изд-во АН СССР, 1958. – 34 с.

References

1. Gacak V. M. Ehpicheskiy pevec i ego tekst // *Tekstologicheskoe izuchenie ehposa*. M., 1971, pp. 7–46.
2. Dzhurtubaev M. Ch. *Drevnie verovaniya balkarcev i karachaevcev*. Nal'chik, EHI'brus, 1991. 256 p.
3. Malkonduev H. H. *Obryadovo-mifologicheskaya poehziya balkarcev i karachaevcev*. Nal'chik, EHI'-Fa, 1996. 38 p.
4. *Narty: geroicheskij ehpos balkarcev i karachaevcev* // *Institut mirovoj literatury imeni A.M. Gor'kogo / A. I. Alieva, T. Hadzhieva*. M., Nauka, 1994. 654 p.
5. Propp V. Ya. *Osnovnye ehtapy razvitiya russkogo geroicheskogo ehposa* // *4 Mezhdunarodnyj s"ezd slavistov*. M., AN SSSR Publ., 1958. 34 p.